

“Compañía Mexicana de Petróleo “El Águila”, S. A., известной также как “Mexican Eagle”. В совет директоров компании сразу были включены многие видные политические деятели режима Диаса, что принесло английскому предпринимателю немало конкретных выгод. Тогда же, в связи с открытием новых месторождений, произошло резкое падение цен на нефтепродукты: уже к концу 1908 г. цена за 1 л керосина уменьшилась с 13 сентаво до 7 сентаво, а за 1 л бензина - с 35 сентаво до 11 сентаво /14/. Это стимулировало рост их потребления на внутреннем рынке, одновременно способствуя увеличению доходов новой компании.

Открытие в декабре 1910 г. бурильщиками “El Águila” месторождения Потреро дель Льяно №4, которое стало давать нефть с дебитом 110 тыс. баррелей в сутки, окончательно рассеяло сомнения пессимистов относительно перспектив нефтедобычи в Мексике /15/. Теперь мексиканские месторождения - как Дохени, так и Пирсона - стали приносить легкую нефть в достаточных количествах, что позволило начать ее экспорт, сделав конкурентоспособной на соседнем североамериканском рынке. К 1911 г. добыча увеличилась почти в 4 раза, достигнув 12,6 млн. баррелей по сравнению с 3,6 млн. баррелей в 1910 году /16/.

Так вооруженные последними техническими новинками, имевшие доступ к значительным финансовым капиталам и внешним рынкам, а также пользовавшиеся поддержкой президента Диаса иностранные предприниматели положили начало мексиканской нефтедобывающей промышленности. Тем самым были созданы предпосылки для превращения Мексики в одного из крупнейших мировых экспортеров высококачественной нефти уже в 1910-х гг., когда объемы первоначальной добычи значительно возросли, и на местном рынке появился ряд новых компаний, воодушевленных успехом Дохени и Пирсона.

1. Л. Мейер и И. Моралес указывают, что название *чапопотерас* про-

изошло от слова *чапопотли* (*chapopotli*) из языка нагуатл (*nahuatl*), которое, в свою очередь, образовано из двух слов: *тцуктли* (*tzouctli*), обозначающего некое клейкое вещество и *попочтли* (*popochtli*), которое можно перевести как аромат, запах или испарение. См. Meyer L., Morales I. *Petróleo y nación (1900 - 1987): la política petrolera en México.* - México: FCE, SEMIP 1990. - P. 17.

2. *Petróleo y nación (1900 - 1987): la política petrolera en México.* - México: FCE, SEMIP 1990. - P. 17.

3. Meyer L., Morales I. *Op. cit.* - P. 22 - 24.

4. *Ibid.* - P. 18 - 19.

5. Brown J. C. *Oil and revolution in Mexico.* - Berkeley: University of California Press, 1992. - P. 19 - 20.

6. La Botz D. Edward L. Doheny: *Petroleum, Power, and Politics in the United States and Mexico.* - N.Y.: Praeger, 1991. - P. 30.

7. Brown J. C. *Op. cit.* - P. 29.

8. De La Borda J. A. *Los orígenes de la industria petrolera en México, 1900 - 1925.* - México: *Petróleos Mexicanos*, 2005. - P. 44 - 45.

9. Brown J. C. *Op. cit.* - P. 55.

10. De La Borda J. A. *Op. cit.* - P. 62 - 63.

11. Spender J. A. *Weetman Pearson: First Viscount Cowdray, 1856 - 1927.* - London: Cassel & Co., 1930. - P. 81 - 91.

12. *Ibid.* - P. 149 - 150.

13. *Ibid.* - P. 151.

14. Brown J. C. *Op. cit.* - P. 78.

15. *Ibid.* - P. 81 - 82.

16. Meyer L. *México y los Estados Unidos en el conflicto petrolero, 1917 - 1942.* - México: El Colegio de México, 1972. - P. 35.

Б. П. Заостровцев

Инвестиции и внешняя политика США накануне первой мировой войны.

Приход к власти в 1912 г. администрации демократов во главе с Вудро Вильсоном привёл к существенным изменениям на финансовом рынке страны. Прежде всего, новый глава исполнительной власти потребовал немедленного отказа американ-

ских банков от участия в международном консорциуме по кредитованию китайского правительства, что в полной мере соответствовало предвыборному обещанию президента, опиравшегося на поддержку южных демократов, покончить с господством нью-йоркских финансистов в американской экономике /1/. Но, как показывает знакомство с документами той поры, достижение такой цели неминуемо должно было сказаться и на внешней политике страны.

Дело в том, что американскую сторону представляла в консорциуме банковская группа Kuhn, Loeb & Co., более 70% активов которой принадлежало немецким банкам и лично императору Вильгельму II, и именно она потребовала от правительства США гарантий вооружённого вмешательства в случае отказа китайского правительства выполнять условия кредита (хотя контракт относил объявление китайским правительством частичного дефолта к обстоятельствам непреодолимой силы, то есть освобождал стороны от каких либо обязательств) /2/. Если же принять во внимание и тот факт, что в займе участвовали и собственно германские банки, то, по существу, американское правительство должно было взять на себя обязательство защищать интересы немецких подданных. Понятно поэтому, что созданное новым руководством государственного департамента специальное заседание рекомендовало правительству административный запрет на продолжение участия американских граждан в так называемом «китайском займе».

Но наибольшей ущерб от принятия такого решения понёс банковский дом Джона П. Моргана-старшего, являвшегося крупнейшим андеррайтером нью-йоркской фондовой биржи и обязавшегося разместить облигации Kuhn'a на максимально выгодных условиях в обмен на обещание помочь Моргану избежать «внутреннего дефолта» - до марта 1913 г он должен был выплатить 6 млн долл. своим вкладчикам, тогда как производственные структуры, контролировавшиеся Морганом, могли принести ему только 3 млн долл. Последнее обстоятельство объясняется тем, что к 1910 - 1911 гг. наиболее инвестиционно-прив-

лекательными становятся южные штаты, где основными инвесторами являлись англичане.

Предпринятая Морганом попытка закрепиться в этой «вотчине» британцев путём приобретения контрольного пакета акций наиболее прибыльной железнодорожной компании Юга Southern Pacific привела к новому вмешательству администрации, по инициативе которой Комиссия по междуштатной торговле провела специальное расследование условий сделки и в 1913 г. запретила её. Обращает на себя внимание тот факт, что решение комиссии было одобрено парламентом Великобритании (!).

Окончательно же все попытки Моргана-старшего проникнуть в новые инвестиционные области были пресечены после опубликования результатов работы комиссии Пьюджо (Pujo), знакомство с которыми позволяло понять насколько велика была связь банков J. P. Morgan & Co. с финансовыми организациями немецкого «происхождения» - Drezdener Bank, Paul M. Warburg & Co., Kuhn, Loeb & Co. и других.

Реакция англичан последовала незамедлительно - совет директоров банка Grenfell, Morgan & Co., возглавлявшегося членом совета директоров Банка Англии Эдвардом С. Гренфеллом, принял решение отказаться от поддержки любых операций, проводимых банком J. P. Morgan & Co. совместно с любым участником банковской группировки Kuhn, Loeb & Co.

Последствия этого решения оказались катастрофическими как для стран Тройственного союза, так и для всего мира.

Когда внутренние ресурсы кредитования промышленности иссякли как в Австро-Венгрии, так и в Германии, то они предприняли попытку разместить облигации государственных займов (первая - в 1913 и в 1914 гг., вторая - в начале 1914 г.) за пределами Европы - на фондовой бирже Нью-Йорка, полагаясь на исключительное положение Моргана-старшего и ведущих банков его «внутренней группы». Однако к весне 1914 г. Он уже бесповоротно утратил прежнее влияние, а новые финансовые группировки (прежде всего, англо-американские финансовые

структуры, ориентированные на получение прибыли от инвестиций в промышленность Юга) руководствовались не только экономической выгодой, но и внешнеполитическими целями государства. В результате, впервые в истории фондового рынка не только США, но и Европы, здесь не удалось разместить ни одной ценной бумаги, выпущенной самым надёжным заёмщиком - государством, а ведущие державы Тройственного союза отказались от резанными от единственного надёжного источника внешнего финансирования - американского банковского сообщества.

Как пояснял в личном письме от 14 ноября 1914 г. Президенту Вильсону Дж. П. Морган-младший, в такой ситуации Германия была вынуждена либо соглашаться на любые условия кредитования, либо попытаться разрушить сложившуюся мировую экономическую систему, то есть развязать войну, «длительностью не более пяти-шести месяцев, достаточных для краха всей системы мировых финансов».

К июню 1914 г. иного выхода кроме как воевать у Германии не остаётся - завершается формирование своеобразного финансового англо-американского альянса: членам «внутренней группы» Моргана (а это прежде всего «немцы» - Кун, Лёб, Варбург, Шифф - предписано оставить посты в советах директоров частных коммерческих банков), банки должны были сообщать о всех переводах денежных средств в Германию, совершённых за истёкший день /3/, председатель арбитражного комитета Торговой палаты Чарлз Бернхаймер и Ф. Бегг, председатель Торговой палаты Соединённого королевства, подписали соглашение о создании общего золотого страхового фонда ... /4/.

1. Link A. The Papers of Woodrow Wilson. V. 22. P. 603 - 604.
2. The Morgans. P. 550 - 574.
3. The New York Times, 03.06.1914. P. 5 - 6.
4. The New York Times, 09.06.1914. P. 3.

Французские информационные системы в годы Первой мировой войны.

Первую мировую войну многие исследователи называют первой информационной войной. Триединство: информации, цензуры и пропаганды, конечно, не ново, так, влияние информации тесно слито с историей войн, начиная с античных времен. Но можно сказать, что именно это триединство приобретает в воюющих странах с августа 1914 г. особый смысл, так как появляются «информационные системы», продукт развития и функционирования власти, и это значительно больше того, что первоначально желали. В национальном плане политическое применение информации построено на необходимости активизировать общественные настроения в заинтересованности выигрыша войны: мобилизовать свои собственные национальные настроения на внутреннем фронте, чтобы они могли сохраняться в течение весьма продолжительной войны, преобразовывая появляющуюся информацию до такой степени, что можно даже говорить об «обработке мозгов»; мобилизовать путем разносторонней пропаганды общественное мнение за рубежом среди союзников и нейтралов, чтобы вначале получить сотрудничество с ними, а затем и вступление их в войну; воздействовать, а лучше деморализовать противника, его настроения путем манипулирования с проникающей к нему информацией. И должны быть выполнены всё-таки три условия: доверяет ли население цензурированной и подвергшейся манипулированию информации, каким бы ни было данным о противнике, об его подлинной политической и военной власти? Не искажают ли официальную информацию в плане «обработки мозгов»? В сущности, население верило только в то, что оно хотело услышать и строило своё пред-